

Бернштам Т.А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX — первой трети XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: Сборник МАЭ. Т. XXVIII. Л., 1972. С. 62–98.

Брейфус Л.Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане: его прошлое и настоящее // Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1913. Т. 2, вып. 1. С. 89–134.

Косменко М.Г. Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита — средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 4. С. 135–168.

Лобанова Н.В. Адаптационные процессы в культуре населения Карелии эпохи неолита // Адаптация населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита — средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 4. С. 44–68.

Логинов К.К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск, 2008. С. 168–190.

Никольский В.П. Быт и промыслы населения Западного побережья Белого моря (Сорока — Кандакша). По материалам исследования летом 1921 года. М., 1927.

Йенс Петтер Нильсен

**«ПРОЩАЙ, БАТЮШКА ТЫ ГРУМАНТ!»
ЗВЕРОВОЙНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ПОМОРОВ И НОРВЕЖЦЕВ
НА ШПИЦБЕРГЕНЕ. СОПОСТАВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ**

Т.А. Бернштам в своих книгах, посвященных поморской культуре, много внимания уделила промыслу морского зверя. Она писала не только о промысле на Белом море — на Терском и Зимнем берегах, но также к северу и востоку от них — в Мезенском заливе (о так называемых Устьинских промыслах) и на Новой Земле. В этой связи Т.А. Бернштам прежде всего исследовала влияние морских рыбных и звериных промыслов на северную общину, в особенности на мужские артели [Бернштам 1978: 90, 148, 163; 2009: 82–95].

Показателен в этом отношении ее анализ «Морского устава новоземельских промышленников» XVIII в. Устав регулировал деятельность промысловиков-охотников, их взаимные обязанности и в то же время служил своего рода наставлением для поморов, которые отправлялись на Новую Землю в первый раз. Способ, которым был организован промысел на Новой Земле, например размещение главной базы поморов (становая изба) и малых избышек, расположенных на прилегающей территории, напоминает организацию промысла на Шпицбергене. Поморы именовали его по своему — Грумант, что, возможно, происходит от нидерландского слова «Groenland» (Гренландия). Поскольку многие поморские суда, плававшие на Новую Землю, ходили также и на Грумант, можно допустить, что какие-то урегулирования, прописанные в Морском уставе, применялись поморскими артелями и на Шпицбергене. Охота там, кажется, в целом была организована таким же способом, как и на Новой Земле [Hultgreen 2000].

Напомним, что сегодня официальное норвежское название этого архипелага — Свальбард. Новая Земля с незапамятных времен принадлежала Российской империи, а вот Свальбард долго являлся «ничейной землей» (*terra nullius*). Только с 1925 г. по договору о Свальбарде, подписанному в Версале 9 февраля 1920 г., Шпицберген стал принадлежать Норвегии. Автор настоящей статьи напоминает о Свальбарде как о месте встреч и обмена опытом между поморами Северной России и промысловиками Северной Норвегии. Здесь, однако, основная задача заключается не в анализе их взаимодействия как такового, а скорее в выявлении перспективных для сравнительного анализа вопросов, что послужит на пользу дальнейшим исследованиям.

Главная тема статьи — промысел в арктической зоне. Но поскольку этот промысел, без сомнения, является неотъемлемой частью полярных традиций обеих стран, следует попытаться сопоставить их в более широкой перспективе.

Сравнение всегда полезно, поскольку оно часто способствует выявлению новых вопросов и содействует более глубокому проникновению в каждый из сравниваемых объектов. В этом случае оно, например, наталкивает на мысль о значительном смещении во времени между Востоком и Западом, между Россией и Норвегией, когда речь идет об освоении арктических просторов. XVIII столетие было «золотым» веком поморских промыслов в Арктике, тогда как расцвет норвежских промыслов пришелся на XIX — начало XX столетий. То же самое можно сказать и в отношении полярных исследований, если даже учитывать тот факт, что полярные исследования первой половины XVIII в. были весьма отлич-

ны от проводимых через полтора года лет. Тем не менее 1730–1740-е годы были отмечены в России организацией Камчатской и Великой Северной экспедиций с привлечением к участию в них сотен геодезистов, гидрографов и других представителей научного мира. Они не только провели картографирование и изучение входившей в состав владений Империи арктической территории, но и определили наиболее удобный фарватер для мореплавания вдоль Северного морского пути. Выдающиеся историки Российской академии наук подробно изучили сибирские архивы, которые могли пролить свет на первые путешествия и поселения в этой части Российского государства. Много опытных поморов-промысловиков приняли в научных экспедициях участие как сведущие лица, грузчики и проводники [Armstrong 1996, Okhuizen 1998].

Неоценимый вклад в самоидентификацию российской элиты как представителей северной нации внес в середине XVIII в. М.В. Ломоносов. Начиная именно с него Север начал превращаться в «кардинальный национальный пункт» России [Boele 1995: 201]. В одах Ломоносова, посвященных коронационным торжествам в Санкт-Петербурге, спуску на воду новых кораблей и прибытию и отъезду монархов и т.д., Север часто упоминается и приобретает героический характер. Ломоносов также ценил людей практических, обладающих знаниями и умениями, какими владел и сам. Он часто использовал образ «русских Колумбов», бесстрашных исследователей Великой Северной экспедиции, которые нанесли на карту северное побережье Сибири и проложили Северный морской путь на Дальний Восток. Преодолевая трудности, с которыми они сталкивались в Ледовитом океане, эти герои-исследователи повторили на Севере подвиг, который Васко да Гама совершил на Юге, и тем приобрели себе бессмертную славу первооткрывателей.

Ломоносов активно поощрял арктические экспедиции и сам выступал непосредственным их организатором. Он старался поднять полярные исследования до уровня национальной задачи России. Его предсказание о том, что богатства «России будут прирастать Сибирью и Северным океаном», часто цитируется даже сегодня. Для Ломоносова и российской элиты Север служил способом преодоления отчуждения между Востоком и Западом. Объединяющая их принадлежность к Северу являлась как бы мостом между Западом и Россией и одновременно средством ее европеизации.

Для Норвегии того времени принадлежность Северу, напротив, была скорее способом «сжигания мостов». В 1760-х годах Герхард Шонинг, которого можно считать первым норвежским историком, указывал на принадлежность Северу как на основу норвежской культуры и нацио-

нальной самоидентификации. Он видел в Севере нечто отделяющее Норвегию от Дании, которая 400 лет оказывала преобладающее влияние на норвежский язык и культуру. Для норвежских патриотов принадлежность Северу стала средством формирования чувства норвежского патриотизма и культурного отстранения от Дании.

Когда позднее, в XIX в., шведский король стал одновременно и норвежским королем, значение политического разграничения Швеции и Норвегии явно возросло. И тогда принадлежность Северу вновь сыграла свою роль. Уже к концу XIX столетия, в период расторжения шведско-норвежской унии, именно арктический Север стал ареной для проявления национального героизма норвежцев. Так, возникла идея о полярных исследованиях как национальной задаче Норвегии. Кульминацией стала знаменитая экспедиция Фритьофа Нансена на «Фраме» через Ледовитый океан (1893–1896). Будучи по целям сугубо научной, в ретроспективе она, однако, приветствовалась многими преимущественно как важный шаг на пути к расторжению шведско-норвежской унии и провозглашению в 1905 г. независимости Норвегии. Плавая в водах Арктики, «Фрам» стал «флагманом норвежского освобождения» на суше [Bomann-Larsen 1993: 29].

Как хорошо известно российскому читателю, Ломоносов сам был выходцем с севера, уроженцем Холмогор, сыном помора, жизнь которого забрал Ледовитый океан. Друг Ломоносова, старовер Амос Корнилов, известен тем, что неоднократно плавал на Грумант в XVIII столетии. Планируя в 1760-х годах экспедицию Чичагова на Шпицберген, Ломоносов в очень большой степени опирался на информацию, полученную от А. Корнилова и других русских поморов-промысловиков, совершавших туда свои плавания [Перевалов 1949: 241–252].

С неизбежностью подобные вопросы возникают по поводу норвежского осмысления северной проблематики только со второй половины XIX в. Это вопросы о вкладе Норвегии в географические открытия и исследование Арктики, о соотношении между научными знаниями и практическим опытом промысловиков и мореплавателей, о значении логистической базы в форме флота зверобоев, доступного полярным исследователям и первооткрывателям. Мы также имеем в виду такой хорошо известный факт, что русские промыслы на Свальбарде начались значительно раньше, чем у северонорвежцев. Почему норвежцы приступили к ним с таким большим опозданием в сравнении с поморами? Свой ответ на этот вопрос попытались дать Тур Бьерн Арлов в книге «Истории Свальбарда» (1996) и автор настоящей статьи в соответствующей главе «Норвежской полярной истории» (2004).

Здесь уместно упомянуть лишь один важный фактор, а именно то обстоятельство, что вдоль всего побережья Финнмарка в изобилии имелись морские ресурсы. Большинство жителей этого района Норвегии осенью, зимой и весной было занято морским рыболовным промыслом. При таких условиях им не было особенного резона предпринимать дальние, рискованные и опасные плавания с целью поиска районов зверобойных промыслов вдали от родных берегов.

Поморы побережья Белого моря находились географически в совершенно иной ситуации. У них не было таких возможностей вести прибрежный рыбный промысел, потому что Белое море покрывается льдом на семь-восемь месяцев в году. Поэтому поморы вынуждены были искать других способов выхода из этого явно невыгодного для себя положения. Еще с начала XVI в. рыбаки западного берега Белого моря стали ходить весной на рыбный промысел на Мурман. В связи с этим они совершали утомительные путешествия на север через весь Кольский полуостров по снежному насту. Это были, можно сказать, такие же промысловые экспедиции, снаряженные на средства состоятельных купцов или торгующих крестьян, как и те, что позже направились на Новую Землю и Свальбард [Nielsen 2004: 47–48].

Но в то же время в восточном направлении поморы имели гораздо более легкий доступ в Арктику, чем норвежцы, поскольку русская Арктика есть не что иное как продолжение российского материка на восток и северо-восток. Поморы издавна охотились на тюленей на льдах и побережье Белого моря, а в XVI и XVII веках они постепенно расширили зону берегового промысла к востоку, в направлении Канина Носа и Печоры, а затем и далее — к Новой Земле. В XVII в., а возможно и несколько раньше, поморы стали здесь даже зимовать.

На этой ранней фазе поморы двигались «встречь солнцу», в том направлении, где Сибирь и Арктика сливаются. Возможно, для их региональной идентичности восток и север были одинаково важны. Согласно широко распространенному среди историков Русского Севера взгляду поморы внесли чрезвычайно большой вклад в территориальное расширение России. Именно с Русского Севера в начале XVI в. началось великое продвижение к востоку, в Сибирь. Поморы открыли торговый путь в Мангазею, купеческий город на реке Таз. Позже они проложили дорогу и далее на восток, в Сибирь и к Тихому океану. Даже «покоритель Сибири», знаменитый Ермак, которого традиционно считают донским казаком, согласно мнению некоторых архангельских историков являлся выходцем с севера и родился скорее на берегах Северной Двины, чем на берегах Дона. Именно они, поморы, «завезли» в Сибирь сельское хозяй-

ство и торговлю, плотницкое ремесло и судостроение. Они же открыли и Русскую Аляску. Не случайно ее первый губернатор, помор Александр Баранов, назвал основанную здесь столицу Ново-Архангельском [Булатов 1998, Окладников 2008].

Как следует из источников, Свальбард, или Шпицберген, стал важным в русском северном дискурсе только в 1870–1871 гг., когда шведско-норвежские власти обратились к русскому правительству с предложением согласиться передать суверенитет над ним Норвегии. Совершенно неожиданно Свальбард стал тогда в России предметом всеобщего внимания и горячего интереса. М.К. Сидоров, известный сибирский золотопромышленник и патриот Русского Севера, выдвинул идею, что Свальбард принадлежит России с незапамятных времен [Сабанин 1921, Jacobson 1923]. Стала популярной легенда государственного крестьянина Вологодской губернии Антона Старостина, который выступил с утверждением, что его предки плавали на Свальбард задолго до основания Соловецкого монастыря, т.е. до 1435 г. [Тихомиров 1898: 17–19].

Вопрос о том, когда поморы впервые посетили Свальбард, является одним из самых противоречивых в истории архипелага. Последние 30 лет археологи занимались раскопками поморских становищ на Свальбарде. Полученные при этом материалы позволили исследователям разных стран подготовить и успешно защитить три докторские диссертации. Речь идет о Вадиме Старкове¹ (Россия), Мареке Ясинском (Польша), Туре Хульгтрен (Норвегия) [Старков 1991, Jasinski 1993, Hultgreen 2000].

Старков основывает свои заключения прежде всего на данных дендрохронологии и приходит к выводу, что русские промысловики впервые высадились на архипелаге в первой половине XVI в., если не ранее, т.е. задолго до открытия его экспедицией нидерландца Виллема Баренца в 1596 г.

Тура Хульгтрен, со своей стороны, ставит под сомнение метод Старкова и полагает, что начало деятельности поморов на Свальбарде правильнее было бы датировать началом XVIII в. Это подтверждается первым ясным упоминанием поморских промыслов на Груманте в русских письменных источниках. Против позиции Старкова говорит тот факт, что какие-либо упоминания о русских и их промысловых стоянках отсутствуют в английских и голландских источниках и литературе, появление которых сопровождало обширные китобойные промыслы англичан и голландцев на Свальбарде в XVII в. [Arlov 1987]. Между тем некото-

¹ Старков Вадим Федорович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель группы арктической археологии (отдела славяно-русской археологии).

рые из поморских становищ представляли собой большие бревенчатые сооружения с высокими деревянными крестами, которые должны были бы бросаться в глаза на фоне пустынного арктического пейзажа.

Но каким бы ни был правильный ответ на этот вопрос, никто не может отрицать, что использовать природные ресурсы Свальбарда русские люди стали гораздо раньше, по меньшей мере за 100 лет до появления там норвежцев. Хорошо известно, что жители города Хаммерфеста были первыми среди норвежских промысловиков, кто в конце XVIII в. попытался организовать плавания на Шпицберген. И они заимствовали знания и опыт у поморов, которые фактически стали учителями норвежцев в шпицбергенских промыслах. Самый ранний опыт норвежцев был основан на использовании поморских судов частично с командами и гарпунерами [Reimert 1980, Arlov 1996]. Однако прочные основы норвежские промыслы на Свальбарде приобрели лишь с 1819 г., когда британский торговец Джон Райс Кроу, проживавший в Хаммерфесте, снарядил свою первую экспедицию на архипелаг. С тех пор норвежские промысловые экспедиции на Свальбард стали ежегодными, и около тридцати лет они происходили одновременно с экспедициями поморов.

Русские промыслы на Шпицберген постепенно пришли в упадок, и к середине XIX в. плавания поморов прекратились. Почему так случилось? Некоторые утверждают, что поморов вытеснили норвежцы. Благодаря тому что побережье северной Норвегии свободно ото льда круглый год, они имели возможность достигать берегов Свальбарда раньше, чем поморы, которым приходилось ждать, пока Белое море освободится ото льда. Когда в июне или июле поморы появлялись на архипелаге, они якобы часто обнаруживали, что их становища уже заняты норвежцами. Некоторые даже считают, что норвежцы были замешаны в случаях групповых убийств поморов [Jasinski 1993: 62–63]. Однако это предположение не подтверждается источниками. Скорее всего, команда судна умерла от цинги или других болезней, а не была убита, что вообще представляется нереальным.

Уже в период наполеоновских войн стало заметно, что поморские промыслы сокращаются. Количество русских судов, ежегодно посещавших Шпицберген во время бума с 1780 по 1800 гг., сократилось с 12–14 до 2–3 к 1820 г. [Hultgreen 2000: 284]. В нашем распоряжении есть несколько источников, которые проливают свет на этот вопрос. Так, чтобы выяснить причины упадка промыслов на Груманте, архангельский губернатор в 1830 г. провел опрос промысловиков и торговцев в Архангельске и на Мезени. В своем большинстве ответы указывали три причины.

1. Поголовье моржей, тюленей и птиц на Свальбарде (вследствие их массового истребления) уже значительно истощено.

2. С поморами близ побережья Свальбарда в последнее время происходит слишком много несчастных случаев, сопровождающихся гибелью судов и людей.

3. Происходит постепенная утрата навигационных знаний и навыков поморами, плавающими на архипелаг [Ibid. 300–301].

Другой источник, датируемый 1850 г., в качестве причины указывает на недостаток у поморов средств для организации промысловых экспедиций. Выходит, что ни в одном из источников нет разговора о норвежцах. А норвежцы были бы упомянуты, если бы именно они представляли для поморов главную проблему. Зато позднее, с 1860-х годов, когда норвежские шхуны двинулись в восточном направлении в русские воды на промысел у Новой Земли и вдоль ледяной кромки устья Белого моря, поморы немедленно стали жаловаться на них местным властям [Nielsen 2004: 90–94].

Между тем похоже, что некоторые поморы-судовладельцы покинули Свальбард вовсе не потому, что собирались совершенно прекращать зверобойный промысел. Сообщения с Новой Земли свидетельствуют, что именно там в 1830–1840-х годах произошло оживление промыслов в связи с удачной охотой на белух. Возможно, есть основания считать, что промысловики в ряде случаев стали покидать Свальбард для того, чтобы со всей энергией заняться промыслом на Новой Земле или в Мезенском заливе. Устьянские промыслы приобрели большое значение в 1840–1850-х годах [Бернштам 2009: 88–90]. Можно сказать, что в некоторых случаях факторы привлекающие не менее важны, чем факторы вытесняющие.

В XIX столетии полярный промысел был новой для Северной Норвегии отраслью, и далеко не все считали его общественно значимым. По мнению многих высокопоставленных людей, сложности, связанные с хозяйственной жизнью Северной Норвегии, проистекали из того, что большинство ее населения было связано с рыбной ловлей, непредсказуемый и переменчивый характер которой неблагоприятно сказывался на менталитете людей. Жители Северной Норвегии жили хорошо, когда рыба ловилась хорошо, и, как говорится, не думали о будущем. В результате у них якобы отсутствовала здоровая трудовая мораль и способность к планированию своего экономического положения [Elstad 1991: 586–598]. Центральные власти высказывали пожелание, чтобы люди активнее занимались земледелием, «этим творческим началом, которое составляет душу государственного организма и основу осуществления всех полезных действий» [Sejersted 1978: 126]. При этом разъяснялось,

что данная отрасль экономики могла бы в большей степени приобщить северонорвежское население к цивилизации, научив его думать о будущем и пожинать плоды своего труда в отдаленной перспективе.

В Финнмарке так называемые квены, то есть финские переселенцы из Северной Швеции и Великого Княжества Финляндского, уже проявляли инициативу, и пышные ячменные поля в долине Альты питали надежды чиновников на то, что земледелие может стать важной хозяйственной отраслью в губернии. Но к середине XIX в. стало ясно, что земледелие, за исключением района Альты, вряд ли может быть основой экономики в Финнмарке. Аграрный оптимизм сник, и взамен «самого благородного из занятий» широко развернулся промысел моржей и тюленей на Шпицбергене, который был лотереей в гораздо большей степени, чем рыбный промысел в фиордах и у морских берегов. Так, Фредерик Руде, пробст Западного Финнмарка, был обеспокоен тем, какое влияние зверобойный промысел может оказать на характер прихожан и их способность вести «упорядоченное» хозяйство. Слишком часто промысловики предпочитали после удачного летнего промысла проводить остаток года в бездельствии. Им не удавалось отложить денег про запас, так как они тратили весь заработок в первую половину зимы. Потом начинали брать товары в кредит у судовладельцев, надеясь на хорошую добычу следующим летом. В результате «их состояние почти не зависит от того, вернется ли судно пустым или с добычей, потому что у них в собственности никогда ничего нет» [Rode 1842: 191].

Отчет Руде напоминает тот скептицизм, с которым относились к промысловикам российские чиновники в середине XIX в. В министерствах Санкт-Петербурга также считали, что поморам следует больше делать ставку на земледелие, а не искать пропитания где-то все ближе и ближе к Северному полюсу. При этом утверждалось, что полярный промысел деморализует и что команды российских промысловых шхун якобы все время ухудшаются в этом отношении. Из-за этого происходили несчастные случаи, вплоть до бунта на судне «Григорий Богослов» в 1851 г., который, как оказалось, окончательно похоронил русский промысел на Шпицбергене [Визе 1948: 86–87.]. Но в Норвегии официальный скептицизм был слабее, и амтманы в губерниях Финнмарк (например, Ярлсберг и Ларвик) отнеслись к ледовому промыслу скорее положительно. И примерно с 1870-х годов в норвежской национальной литературе стало уделяться все большее внимание жизни прибрежных поселков и морякам, а не только норвежскому крестьянину, как прежде.

Раньше всего это изменение проявилось в творчестве Бьёрнстjerne Бьёрнсона, который в 1868 г. написал стихотворение «Норвежский мо-

ряк». В нем он утверждает, что «обрывистый норвежский берег — это материнская грудь страны». А Осмунд Олавсон Винье писал после посещения «столицы тюленьего промысла» Тёнсберга в 1870 г. так: «Сухопутные жители хороши по-своему, но моряки <...> во многом лучше». Он считал, что моряки — люди более широких взглядов благодаря своему общению с иностранцами и что в результате всех испытанных ими опасностей у них более доброе сердце [Vinje 1870: 162].

Показательно, что во второй половине XIX в. мы видим схожий поворот в отношении к поморам в связи с возросшим у российских властей интересом к Арктике. Теперь появились более положительные представления о поморском менталитете. В центре внимания оказались поморские «стремление к свободе», «настойчивость» и «бесстрашие». Способствовали этим моральным качествам два обстоятельства: во-первых, отсутствие на Севере дворян-землевладельцев и крепостного права, во-вторых, дерзкие плаванья поморов в Ледовитом океане [Бернштам 2009, Engelhardt 1899].

Полярный промысел действительно облагораживал человека, даже несмотря на то, что результат его всегда был ненадежен и непредсказуем. Яркой метафорой является бытующее в поморской культуре представление о море как о «поле», с которого собирают урожай: «Море — это наше поле. Оно нас поит и кормит» [Бородина-Морозова 1947: 154]. Но такую же метафору мы встречаем и в прибрежной Норвегии, например у Винье в его описании зверобойного промысла из Тёнсберга: «Море представляет собой поле, а шхуна — это плуг». Подобные формулировки можно найти и у Карла Петтерсена (1826–1890), поборника школ в Северной Норвегии, геолога и полярного политика, который так много сделал и для развития полярных промыслов, и для повышения их статуса [Vogten 1992]. Он пишет о северонорвежских зверобойных промысловиках в 1871 г.: «Эти умелые бесстрашные люди, которые ежегодно с веселым сердцем и хорошим настроением отправляются на север, чтобы собрать урожай в этих плодородных, но холодных и покрытых льдами полях» [Tromsø Stiftstidende. 1871. 12. 03].

Промыслы в Арктике в эти давние времена привлекали множество людей. И заманчиво было бы узнать, как они познавали и воспринимали арктическую природу Свальбарда и других полярных архипелагов. Однако это был простой народ, не привыкший выражать себя в речах и письмах. Немалая его часть была просто неграмотна. Самое большее, на что мы можем надеяться, — это на сохранившиеся устные предания. Но с норвежской стороны записано их было мало. С русской же стороны, напротив, у нас есть из чего выбирать благодаря исключительно развитому на Русском Севере устному народному творчеству.

Уже к середине XIX в. Русский Север получил всеобщее признание со стороны фольклористов как заповедный край, хранитель богатейшего культурного наследия русского народа. Именно леса Севера сохранили от забвения бесценные образцы старинной русской деревянной архитектуры, древние былины и героические поэмы. И богатое устное наследие Груманта хорошо вписывается в эту картину [Бородина-Морозова 1947].

В Европе с начала XIX в. наблюдается постепенная переоценка отношения к природе Арктики. Ранее дикая природа, равно как и все ее проявления, находящиеся вне человеческого контроля, рассматривались как уродливые и опасные. Но теперь она стала представляться чем-то прекрасным, но в тоже время подавляющим и изменчивым. Арктическая природа видится возвышенной и потрясающей. При этом мы можем уверенно утверждать, что эстетическая переоценка со стороны части культурной элиты лишь постепенно и медленно распространилась и на страны европейской периферии, каковыми тогда были Норвегия и Россия. И еще медленнее она спускалась по «социальной лестнице» от культурных элит к тем, кого называют «простым народом». Видение природы в народных сказках норвежцев, записанных в XIX в., свидетельствует о том, что норвежские крестьяне еще смотрели на природу как на что-то некрасивое и опасное [Høystad 1998].

Опубликованный недавно в Норвегии учебник по культурологии напоминает, что природа сама по себе не представляет что-то возвышенное: «Возвышенное — это (субъективное. — *Й.П.Н.*) двусмысленное чувство благоговения и страха, очарования или отвращения». И эти чувства рождаются у наблюдателя, только когда он немного отступает от бездны или от крутого утеса, чтобы осмыслить впечатления, производимые на него всеобъемлющей природой [Sørensen & Høystad et al. 2009: chap. 6].

Охотник во время зимовки, конечно же, не располагал ни подобной возможностью, ни временем, чтобы перенести себя в безопасное положение и предаться возвышенным и абстрактным мыслям. Он постоянно находился в опасности, и его положение оставалось рискованным и ненадежным до тех самых пор, пока охотник не покидал остров. И даже тогда ему предстоял еще переход через океан, который тоже мог привести к гибели.

Фольклорные материалы, которые сохранились со времени посещения Свальбарда—Груманта, ясно указывают, что поморы-охотники были чужды вышеупомянутых европейских эстетических переживаний. Примечательно в этом отношении содержание песни, которую поморы

обычно пели во время морского перехода на родину, в Архангельск, после годичной зимовки на Груманте. А может быть, они пели ее и во время пути на Грумант, чтобы подготовиться к тем трудностям, которые ждали их впереди. Это поэтическое описание сборов артели промышленников, мужественных *груманланов*, и их плавания через океан, порой с заходом в северную Норвегию и Финнмарк. В тексте сообщается об истории зимовки на Свальбарде, рисуется весь годичный промысловый цикл. Как и на каких животных поморы попеременно охотились осенью, зимой и весной. Как они избегали опасностей, подстерегавших их, пока, наконец, поморы с облегчением не отчаливали от берега на своих *лодьях* и не направлялись обратно, к Белому морю¹.

Но начиналась песня с прибытия на Грумант и отчаянного поиска старого становища, которое, в конце концов, было благополучно найдено. Затем, судя по песне, охотники перебирались в небольшие избушки, которые располагались за много километров от главных построек с тем, чтобы во время зимней охоты они могли охватить промыслом более обширный район. После этого следуют первые предупреждения об опасностях и случайностях, подстерегающих охотников в преддверии их смерти: «По избушкам жить опасно, не пришла бы смерть напрасно». В заключение приведем отрывки текста с описаниями охоты в различные сезоны.

*Мы кулемки становили,
Псечей черных наложили,
А оленей диких славно
Мы стреляли преисправно
Белый ошкуй господин,
Он к нам часто приходил
Дикарино мясо кушать
И у нас в избах послушать,
Что мы говорим,
А мы пулю в бок дадим
<...>
Как светлее стали дни,
С разволочных потянулись,
В станову избу пришли,
Всех товарищей нашли.*

¹ Эта песня в нескольких версиях существовала уже в XVIII столетии. Приведенная здесь была опубликована в 1849 г. в журнале «Отечественные записки».

*Как великий пост пришел,
Слух до всех до нас дошел,
Как моржи кричат, гремят,
Собираются нам велят.
Карбаса мы заправляли
И моржов мы промышляли
По расплавам и по льдам
По заливам, по губам
И по крутым берегам.
А моржов мы не боимся
И стрелять их не стыдимся.
Мы их ружьями стреляли,
Их носками понимали.
<...>
Их спицами кололи,
Промышляли мы довольно
И поехали на лодью.
И лодью мы нагрузили,
И отправились мы в ход,
С Грумантом прощались,
Прощай, батюшка ты Грумант!
Ты, Грумант батюшка, страшен,
Весь горами овышен,
Кругом льдами обнесен,
На тебе нам жить опасно,
Не пришла бы смерть напрасно.*

Библиография

Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009.

Бородина-Морозова Е. Сказания и песни о Груманте // Север. 1947. № 9.

Булатов В.Н. Русский Север. Книга вторая: встречу солнца (XV–XVII вв.). Архангельск, 1998.

Окладников Н.А. Российские Колумбы. Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI — начало XX века). Архангельск, 2008.

Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Из истории географических открытий. М.; Л., 1949.

Сабанин А.В. Россия и Шпицберген // Вестник Н.К.И.Д. 1921. 1 июля. С. 44–45.

Тихомиров Вс. Из прошлого. Русские промыслы на Груманте (Шпицбергене) // Русское судоходство. 1898. № 195.

Arlov Th. B. Nytt lys over Svalbards oppdagelse. Heimen 1987, 2.

Arlov Th. B. The History of Svalbard. 2 ed. Trondheim, 2003.

Armstrong T. Historical and current uses of the Northern Sea Route, Part I. IN-SROP working paper no. 28, Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute, 1996.

Boele O. The North in Russian romantic literature // Studies in Slavic literature and poetics. 1995. Vol. 26.

Bomann-Larsen T. Den evige sne. Oslo, 1993.

Elstad Å. Mentalitet og økonomi i Nord-Noreg 1750–1950 // Historisk Tidsskrift 1991. № 4.

Engelhardt A.P. A Russian Province of the North. Westminster : Archibald Constable and Company, 1899.

Hultgreen T. Den russiske fangsten på Svalbard. En reanalyse av arkeologiske og historiske kilder. Doctoral thesis, University of Tromsø, 2000.

Høystad O.M. Paradoks i konstruksjonen av nasjonal identitet. Naturen i folkediktinga og nasjonalromantikken // Samtiden. 1998. 2/3.

Jacobson G. En Spetsbergenfråga för femtio år sedan // Nordisk tidskrift för vetenskap, konst och industri. 1923. 17.

Jasinski M. Pomors in Grumant. Archaeological Studies of Russian Hunting Stations in Svalbard, vol. 1–2. Doctoral thesis, University of Tromsø, 1993.

Jasinski M. Promysljennik, Kotsj, Izba. Resultater av nyere forskning om russisk fangstvirksomhet på Svalbard // Sørheim & Johannesen (eds.). Svalbard fra ingemannsland til del av Norge. Rapport No. 1995. 3: 228–256. NTNU, Trondheim.

Nielsen J.P. Ishavet er vår åker // Drivenes E.A. & Jølle H.D (eds.). Norsk Polarhistorie. 2004. Vol. 3. Rikdommene. Gyldendal: Oslo: 47–109.

Okhuizen Ed. Historical and current uses of the Northern Sea Route, Part II. INSROP working papers. Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute, 1998.

Reimert P.K. Hammerfest — Norges første ishavsbys 1778–1802. Heimen, 1980.

Sejersted F. Den vanskelige frihet 1814–1851, vol. 10 // Knut Mykland (ed.). Norges historie. Oslo, 1978.

Starkov V. Spitsbergen in the System of Russian Seafaring. Unpublished doctoral thesis, Archive of Tromsø Museum. Tromsø, 1991.

Storå N. Russian walrus hunting in Spitsbergen // Etudes/Iunit/Studies 1987. 11 (2): 117–138.

Vorren T. Karl Pettersen. Ildsjel og banebryter // Ottar. 1992. Nr 191. Tromsø.